

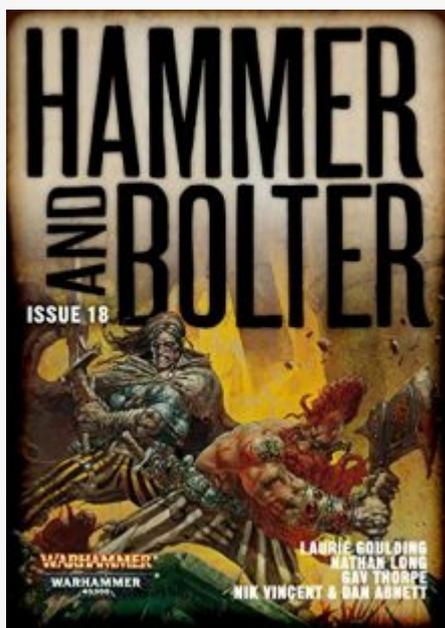
Обервальдский потрошитель / The Oberwald Ripper (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Обервальдский потрошитель / The Oberwald Ripper (рассказ)

Автор	Лори Голдинг / Laurie Goulding
Переводчик	Serpен
Издательство	Black Library
Серия книг	Готрек и Феликс_(цикл)
Источник	Hammer and Bolter issue 18
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

В тот вечер в воздухе таверны было разлито смутное ощущение тревоги, и местные говорили тихими, сдержанными голосами, склонившись над своими кружками. Таверна была известна прекрасной варкой, но преобладающая тема разговоров в баре и за низкими столами была куда более зловещей - слухи о городских проблемах, похоже, уже успели распространиться и, как итог, вместо обычной толпы усталых и жаждущих путешественников, сегодня народу в таверне было кот наплакал. А те, что всё же

выбрались, выглядели не слишком весёлыми.

Сквозь трубочный дым и тёмные маленькие окна Феликс, посасывая эль, наблюдал за работой фонарщиков. Они торопливо шли по улице через сгущающийся вечерний мрак, постоянно крутя головами налево-направо, тревожно всматриваясь во тьму. Каждого из них сопровождал столь же напуганный стражник, который постоянно подгонял их и махал мечом и лаял о наступающем комендантском часе, стоило кому-либо попасться им на дороге. Допив эль, Феликс вернулся в бар, чтобы вновь наполнить свою кружку.

Эти люди были в ужасе. Это было яснее ясного. Он видел это в их мрачных, осунувшихся лицах, в том, как их взгляды устремлялись к двери каждый раз, стоило войти незнакомцу. Холодная еда оставалась нетронутой на грязных тарелках. Дрожащие пальцы перебирали бусы чётков.

Будучи одним из подобных незнакомцев, Феликс чувствовал на себе подозрительные взгляды с первого мгновения, как переступил порог таверны. Поэтому, когда началась неизбежная стычка, он не слишком удивился.

- Кто ты такой, чтобы говорить, что лучше для этого города? - громыхнул крепкий рабочий, с маху опустив кружку с элем на барную стойку, и расплескав содержимое по сторонам. - Ты заявляешься сюда, такой же бродяга, как и все такие, и пытаешься учить нас, что нам делать.

Несколько местных жителей, сидевших у барной стойки или за столами в главном зале, согласно забормотали. Напряжённость в Обервальде росла, так как всё больше путешественников с наступлением темноты не оставались в городе, а продолжали свой путь. Для рыночного сообщества, зависящего от слухов о происходящем за чертой города, новости об ужасе, всё ещё находящемся на свободе, довольно крепко ударила по кошелькам.

Хозяин, круглый человечек в грязном фартуке, попытался успокоить разгорячённого рабочего.

- Ну же, успокойся, Тилл... Я уверен, что джентльмен не имел в виду ничего такого. Давай позволим ему закончить его напиток с миром.

Феликс прищурился, оценивая взглядом Тилла и его потенциальных союзников - бородатого мужика у камина, сжимающего бутылку, и сидевшего на стуле худого, крепкого парня с плохо скрытым ножом в штанине.

Тилл стиснул зубы и впился взглядом в своего оппонента, не обращая внимания на хозяина.

- Думаешь, мы не пытались его поймать? Думаешь, твои расфуфыренные солдаты из Рейкланда справились бы лучше? - он ткнул пальцем в торговца средних лет, который и стал причиной столь гневной отповеди, и тот поморщился.

Сидевший у окна на скамейке с высокой спинкой, Феликс опустил кружку с элем и продолжил наблюдать за рабочим, его рука медленно поползла к рукояти Карагула под плащом, хотя слова Тилла его заинтриговали.

- Говорят, что у Потрошителя глаза горят нечестивым огнём. Говорят, он быстр, как молния, да и вообще молния чуть ли не наполовину. Если он не демон, то точно продал душу чему-то злему...

Его стройный приятель поднялся со стула.

- Ага, они говорят, что можно видеть сквозь него, - вмешался он.

- И он летает! - воскликнул ещё кто-то.

На таверну опустилась тишина. Торговец поправил пальто и сделал незаметный знак хорошо одетой молодой женщине, что стояла позади него.

- Я... Мне очень жаль, если я вас оскорбил, - ответил он с резким рейкландским акцентом. - Пожалуйста, майн герр, я вижу, ваша кружка пуста. Позвольте я куплю вам ещё один эль.

Тилл хмыкнул, но его настрой, кажется, смягчился, и он кивнул в знак согласия.

Когда миролюбивое настроение вновь вернулось в таверну, Феликс перехватил взгляд молодой женщины. Он улыбнулся ему и кивнула, явно заметив, что он собирался вступить за них. Он ответил на приветствие и снова поднял свою кружку.

Феликс был рад, что сейчас с ним не было Готрека. Присутствие сварливого, воинственного гнома с огненно-рыжим хохлом могло превратить лёгкую размолвку в настоящую драку, а привлекать к себе внимание было именно тем, чего им всеми силами стоило избегать. Вместо того чтобы присоединиться к нему в таверне, суровый старый истребитель потопал в город в поисках игорного притона, или «места, где гном может отыскать бутылку настоящего эля, человеческий отпрыск».

Пусть поведение Готрека и бывало утомительным, но это частенько давало Феликсу время, чтобы внимательнее ознакомиться с окружением. Маловероятно, что город, подобный Обервальду, мог предложить Готреку хоть что-то, близкое к тому, что тот искал - несмотря на его ориентацию на торговлю, он отдавал некоторой ограниченностью и местечковостью, и не выглядел чем-то примечательным.

Но «ничем не примечательный» идеально подходило Феликсу. «Ничем не примечателен» говорило о том, что им с Готреком удастся исчезнуть с минимальными усилиями и не привлекая к себе особого внимания. Учитывая события последних недель, это было лучшее, на что они могли надеяться.

Более того, это было приятное времяпрепровождение и долгожданный отдых от лагерей, разбиваемых среди редких сосновых лесов или на голых склонах холмов.

Феликс просто надеялся, что Готрек не забудет о маскировке. Было трудно оставаться незаметными, когда один из двоих был столь... примечательным. Они провели целый вечер в каменном молчании несколько ночей тому назад, когда Феликс предположил, что гордый, бесстрашный Истребитель мог даже подумать о том, чтобы надеть маскировку, разгуливая на публике. Не то, что это всё равно принесло бы много пользы - в нём по-прежнему было трудно не узнать гнома, даже в плаще с капюшоном.

Он допил остатки своего эля и решил переговорить с хозяином таверны о ночлеге. Однако только он собирался отправиться в бар, как перед ним возникла та самая молодая женщина, держа в руках две кружки с пенящимся элем.

- Похоже, мой отец заставил местных жителей слегка разволноваться, не правда ли? - сказала она, немного неловко улыбаясь Феликсу. Феликс поднялся, но прежде чем он успел что-либо сказать, она сунула ему в руки кружку. - Я уверена, что вы бы пришли мне на помощь, если бы они попытались доставить нам неприятности. Кстати, я - Сабина.

- Я... - начал он, но тут же осёкся. Мысли лихорадочно закрутились, пытаюсь подобрать имя. - Макс. Макс Шрайбер. Рад знакомству, Сабина.

Они сидели вдвоём за его маленьким столиком и пили до глубокой ночи. Хотя её поведение сперва и было довольно скромным, однако для столь опытного в богемных делах мужчины, каким был Феликс, её намерения были достаточно очевидны. Тем не менее, он нашёл что-то милое в девичьей невинности, с которой она пыталась поддерживать разговоры о пустяках, одновременно угощая его всё большим и большим количеством эля. Её случайные восклицания по поводу поэзии и других, якобы пересекающихся интересов, заставили местных бросить в их сторону неприязненные взгляды, впрочем, этим всё и ограничилось.

Ей было уже далеко за двадцать, и хоть работа отца мало интересовала её, она бросила свою артистическую студию и отправилась с ним в поездку по делам по всей провинции. Когда Феликс рассказал её о предприятии своего собственного отца - само собой, стараясь не упоминать имён - и том, что и сам был «паршивой овцой» в семье, она чуть ли не вскрикнула от восторга и призналась, что сгорает от желания сбежать и следовать своим собственным мечтам. Феликс вежливо улыбнулся, хотя внутри ощутил раздражение от её незрелого позёрства. И всё же в невинности девушки он видел отражение своей собственной юности. Пока она нетерпеливо рассказывала о своих похождениях, которые обычно достигали кульминации во время попойки с её друзьями-собутыльниками, его мысли блуждали в тех временах, когда он и сам жил только ради подобных мгновений, и пока она говорила, он внимательно изучал её.

Возможно, это был эль, но она выглядела... необычайно привлекательной в свете огня камина. Изгиб её щеки, вспышка непокорности в её глазах, вьющиеся светлые волосы, которые она периодически отбрасывает с лица...

Он слегка отшатнулся, когда в середине разговора она мягко провела рукой по его предплечью, однако поймал себя на том, что её прикосновение ему приятно. После столь долгого времени рядом с Готреком, то, что он оставался достаточно презентабельным, чтобы привлечь женскую компанию весьма льстило его эго. Кроме того, когда он попытался сморгнуть приятную пьяную дымку, то осознал, насколько близко она приблизилась к нему на скамье. «Было бы грубо, оттолкнуть её сейчас, - подумал он. - В конце концов, она всю ночь платила за выпивку».

Когда отец Сабины в конце концов встал и отправился в свои комнаты, он остановился и сурово посмотрел на Феликса.

- Сабина, *либхен*. Пора уходить.

- О, папа, я ещё не могу, - запротестовала она. - У меня ещё осталась почти половина кружки.

Феликс фыркнул в свой собственный эль. Сабина ткнула его под рёбра.

- Кроме того, это Макс. Он поэт из Альтдорфа. Он собирается показать мне некоторые из его лучших стихов.

Сделав доблестную попытку казаться трезвым, Феликс встал. И у него ещё хватило здравого смысла, чтобы спрятать меч под плащом.

- Макс Шрайбер, - представился он, протягивая руку торговцу. - Ваша дочь очень высоко отзывалась о вас, сэр, - Сабина незаметно ущипнула его, заставив вздрогнуть.

Её отец посмотрел на протянутую руку, потом развернулся и отправился к двери, вздыхая.

- Зигмар, что я сделал, чтобы заслужить такую дочь? Просто будь готова утром к дороге. Мы должны

быть в Линдесхофе к полудню.

Феликс некоторое время постоял, покачиваясь. Мрачно оглядевшись, он заметил, что большинство других посетителей уже ушли. Сколько же времени они с Сабиной пили? И где, чёрт его дерь, Готрек...

Сабина усадила его обратно на скамейку, и запечатлела долгий, приторный поцелуй на его губах. Он догадывался, что вероятно ей хотелось бы, чтобы он выглядел охваченным страстью, но всё, на чём он в тот момент смог сосредоточиться, это на внезапно начавшей кружиться комнате.

«Обервальдский эль, - подумал он, - крепче, чем кажется».

Она оглядела его взглядом слишком долгим, чтобы быть приятным, а затем застенчиво прикусила губу и подняла его на ноги.

- Да ладно тебе, - сказала она, - иди сюда и испытай на мне свои прекрасные слова.

Готрек крепко сжал свои карты толстыми короткими пальцами, и, прищурившись, уставился на них в тусклом свете свечей. Стиснув зубы, он попытался вспомнить, что игралось на предыдущей сдаче. Числа и масти сливались в его голове, и он в отчаянии потёр лоб.

«Глик[1] - это три одинаковых, а морниваль - четыре...»

Они уже разыграли прикуп, что бы это не значило, и он продул несколько крон сдающему, потому что по козырям вышли в ничью. Готрек был бы рад пройти каждый раунд и поглядеть, как играют другие, пока сам бы не стал лучше разбираться в правилах, но поскольку все слишком услужливые игроки, сидевшие на заднем сиденье, продолжали подсказывать, в этом было не больше смысла, чем в очередном раунде.

- Итак, мастер гном - ваша ставка, - сказал сдающий, глядя на Готрека поверх очков. - Солнце встанет, прежде чем мы закончим. И я не знаю, как вы двое, но лично я бы лучше потратил свой выигрыш и до конца ночи провалялся в постели, - он ухмыльнулся и похлопал по небольшой стопке монет на столе перед собой. Стопка, как заметил Готрек, включала в себя и добрую часть из его собственного кармана.

Третий игрок, тощий бородатый мужчина с бегающими глазами, нервно дёрнулся и сделал быстрый глоток из маленькой жестяной чашки, стоявшей у него рядом с локтем, а после нетерпеливо начал барабанить пальцами по столу.

Готрек снова вернулся к своим картам. Он чувствовал на себе взгляды каждой пары глаз в комнате, и, если честно, понятия не имел, что делает. Он был знаком с большинством игр, в которые играли в тавернах и гостиницах по всей Империи, но эта - Глик? Глейх? - была для него новой и оказалась невероятно сложной. Вот у Феликса голова была устроена для подобного: мелкие вычислительные штуки, которые были связаны как с позёрством, так и со сложением чисел и тому подобным.

«Что ж, - подумал он, - тогда стоит забыть о правилах и играть с игроками».

Он громогласно сморкнулся, а затем подвинул все девять оставшихся крон, после чего упёр в сдающий взгляд своего единственного глаза.

- Тогда ставлю всё. И я пуст.

Ставка была высокой, намного выше обычной. Он надеялся, что она окажется достаточно высокой,

чтобы они дважды подумали, прежде чем повторить её.

Мужчина коротко рассмеялся, но миг спустя сник под железным взглядом гнома. Его собственный взгляд скользнул по другому игроку, а потом переместился куда-то за спину Готрека. Поёрзал на стуле. Потом провёл пальцами по краям своих карт. После чего снова откашлялся.

«Вот оно».

Готрек прищурился. Сдающий уставился в ту же точку, прямо за его спиной. А затем его поведение заметно изменилось.

- В таком случае, мистер гном, - лукаво усмехнулся он, - я принимаю вашу ставку. Я повторяю, и давайте назовём эти пары, хотя я думаю, вам нечем ответить на этом кону. С уважением.

Готрек даже не стал дожидаться, пока он подсчитает монеты. Он просто бросил свои карты и врезал человеку по носу.

Раздался хруст, и на золото хлынула кровь. Человек издал ошеломлённый звук - не совсем визг, но всё же больше, чем удушье - когда его отбросило назад силой удара, его ботинки ударились снизу в стол, перевернув его и раскидав по полу золото и карты.

Прежде чем остальные клиенты притона пришли в себя, Готрек развернулся на своём табурете и схватил ближайшего за воротник его грубой куртки. Вполне возможно, что это был невидимый сообщник сдающего, который и считывал карты, но это уже не имело значения - с хриплым, бессловесным рыком Готрек вырубил его ударом головы.

И началось столпотворение. Тут же вспыхнули драки за другими столами и в закрытых кабинках, туда-сюда вместе с ударами полетели обвинения в жульничестве. И пусть Обервальд был домом для нескольких сомнительных притонов, подобных этому, но часовые будут закрывать на них глаза лишь до тех пор, пока всё, что происходило внутри, оставалось внутри, однако драка, выплеснувшаяся на улицы или слишком разошедшаяся, наверняка заставила бы их вмешаться. Феликс уже несколько недель старался не высовываться, с той самой поры, как недавнее недоразумение вынудило их отправиться на север. Так что Готрек решил, что этим вороватым свиньям стоит преподать урок и быстренько вернуть своё золотишко, прежде чем скрыться в ночи.

Его рука метнулась вперёд, выхватывая из толпы третьего игрока в их партии - тощего, бородатого мужичка с бегающими глазами - однако его пальцы схватили пустое место. Повернув голову, он увидел, что тот и вправду исчез - его место было пустым.

Удивление Готрека длилось лишь мгновение, прежде чем кто-то сломал дешёвую табуретку о его затылок. Громогласно взревев, он обрушился на нового противника в вихре мелькающих кулаков, татуировок и огненно-рыжих волос.

Слева от себя он краем глаза увидел вспышку лезвия, а затем вопль боли разорвал шум драки. Как и следовало ожидать в комнате, полной головорезов, первая кровь пролилась весьма быстро. К этому времени некоторые из наиболее сообразительных дебоширов уже пробирались поближе к арочному проходу, ведущему к двери, оставив лишь нескольких сбитых с толку приезжих и тех из местных, кто выглядел так, будто сможет откупиться от всего, что бы здесь ни произошло.

Внезапно ощутив, что ему стоило бы поторопиться, Готрек врезал по виску своему противнику, вырубив его, а затем обернулся к пострадавшему мошеннику, что всё ещё корчился среди обломков их игрового

стола.

Сжимая сломанный нос и почти ослепнув от боли, мужчина шарил по полу, ища свои разбитые очки. Похоже, помогать ему никто не собирался, отметил про себя Готрек.

Не обращая внимания на протесты, он подтащил человечка к себе, а затем слегка ударил его по лбу, чтобы привлечь внимание.

- Значит, хотел меня обмануть? - прорычал он. - Хотел спереть моё честным трудом заработанное золото, ублюдочный мелкий воришка? - он притянул его к себе поближе и уставился ему в глаза. - Тебе повезло - сегодня вечером я должен вести себя *хорошо*.

Он позволил своим словам повиснуть на мгновение, прежде чем снова уронить слабо брыкающегося человечка и зачерпнуть с пола столько золотых монет, сколько мог уложить в свой пояс. Это было больше, чем он имел, когда вошёл в притон, но, по мнению Готрека, это станет должным уроком честности этому жалкому вору.

- Но будь внимателен, вор, - продолжил он, выдёргивая из-под скамейки свою сумку и скатку с одеялом. - Я могу вернуться к следующей игре.

Посмеиваясь про себя, Готрек перемахнул каменные ступени, ведущие наружу, и выскочил на улицу. Уже светало, хотя до рассвета было ещё добрых несколько часов, так что оставалось ещё достаточно времени, чтобы отыскать Феликса в его гостинице.

Небольшая группка задержавшихся посетителей выскочила из притона следом за ним и тут же устремилась в ночь под трель раздавшегося вдалеке, безошибочно узнаваемого свистка часовых. Готрек рванул в сторону и поднырнул под арку, чтобы избежать встречи и с теми и с другими.

«Айе, ещё добрых несколько часов».

По большей части здания в этой части города были выполнены в фахверковом стиле, с высокими остроконечными крышами из серой и красной черепицы и декоративными украшениями, что говорило о тихом пафосном самодовольстве местных жителей. Конечно, это была дрянная человеческая работа, однако она предполагала, что здесь водятся денежки.

Если бы он смог отыскать другой притон, то у него, пожалуй, и вправду ещё оставалось немного времени, чтобы попробовать себя в другой игре, и, кто знает, может добавить ещё несколько крон в банк.

Первое, что почувствовал Феликс - холод.

Он дрожал, лёжа на влажных булыжниках - они болезненно вдавливались в его плечо и бедро, а по лицу, казалось, кто-то отходил. Он много раз ночевал под звёздами, но в этот раз, что-то было странно неправильно.

Он попытался поплотнее натянуть плащ, и тут же ощутил, как к горлу подкатила тошнота.

Феликс стиснул зубы, в голове словно били молотками.

Он издал долгий стон, полный раскаяния пьянчуги, который ещё может вспомнить прошлую ночь, но знает, что стоит ему попытаться произнести хоть слово, как его опять начнёт полоскать, снова и снова.

Медленно и аккуратно перекатившись, он попытался глубоко вдохнуть очищающий холодный утренний воздух, пока вокруг него безжалостно вращался мир.

«Кто устроил всю эту суету? Кто этот треклятый глупец, что в такую рань поднял свист и крик! О, милая, милосердная Шаллия, прошу, избавь меня от этого несчастья!»

Он поднялся на колени, закрывая лицо руками, едва не плача от боли по ту сторону глаз. Его волосы были мокрыми и прилипали к холодному и влажному лбу, в горле стоял привкус желчи и прогорклого эля. Рвотный позыв был тук как тут.

Злые голоса отдавались эхом в переулке вокруг него. Тревожное количество злых голосов. Феликс подумал открыть глаза, но он был почти уверен, что подобное усилие заставит его мозг разорваться на куски внутри черепа.

Когда он, наконец, открыл их, результат оказался во сто крат хуже.

Перед ним, в размываемой дождём луже крови на булыжниках лежала Сабина. Её лицо было искажено, а внутренности виднелись через ужасную рану в животе, которая, казалось, разорвала её надвое. Меч Феликса лежал рядом.

Когда к нему подбежали стражники и безжалостно вздёрнули на ноги, он с внезапным пониманием осознал, что его собственные руки и лицо тоже испачканы в крови Сабины.

Его обильно вырвало на державшего его левую руку, за что последовала награда в виде удара в живот, от которого его мгновенно сложило вдвое. Задыхаясь, хватая ртом воздух в канаве, он увидел, как местный командир стражи удерживает ужасную толпу, требующую возмездия, не пуская её в переулок.

- Это Потрошитель! Они поймали Потрошителя!

Голова Феликса висела под безумным углом, зрение плыло. Ему бы время подумать, всего несколько минут, чтобы...

Готрек.

Феликс заметил посеревший лик его товарища гнома в толпе, и его сердце упало. Убийца был в тёмном плаще с капюшоном, его единственный глаз широко открыт, а челюсти сурово сжаты. Самое удивительное для Феликса было то, что выражение лица гнома колебалось где-то между гневом и разочарованием. Это зрелище нервировало.

Они были так осторожны. Так старались остаться незамеченными...

Готрек встретился с ним взглядом, но ничего не сказал. А затем торжественно кивнул головой и растворился в толпе.

Феликс закричал от ужаса и боли. И тут же один из стражников схватил его за окровавленные волосы и врезал по лицу.

Уже теряя сознание, Феликс краем глаза заметил в толпе одинокую фигуру: скрывающегося от взглядов человека с пронзительными глазами.

Наблюдающего.

Готрек пробирался сквозь собирающуюся чернь: слухи распространялись быстро, и в ответ всё больше и больше жителей Обервальда выходили на улицы, отрываясь от своих утренних дел. Они были явно взволнованы, хотя, казалось, что причиной этого волнения был скорее испуг, чем что-то ещё.

«Глупый человеческий отпрыск. Глупый, глупый человеческий отпрыск».

Пока они укрывались в городе, повсюду только и было толков, что о «Потрошителе», но он решил, что это одна из местных легенд или же просто какое-то название, которое местные дали бродячему зверю Хаоса. «Впрочем, кто знает», подумал он. Однако, в любом случае, сейчас на это не имело значения.

Феликс был глупым. Небрежным. Вы не станете прыгать с трактирной шлюхой, когда вся округа балансирует на грани срыва и только ищет козла отпущения.

«Он всегда думает своим членом».

Впереди молодой парень в фартуке бакалейщика залез на невысокую крышу каменного здания и указывал куда-то вниз за угол, туда, где мощёная улочка пересекала главную магистраль города.

- Он там! Они поймали его! И собираются вздёрнуть!

При этих словах Готрек сбился с шага. Истерические вопли эхом отражались от фахверковых фасадов, выстроившихся вдоль улицы зданий, и некоторые из наиболее смелых жителей уже припустили, толкаясь и пихаясь, к месту ожидающегося зрелища. С мрачной отрешённостью он заметил, что некоторые уже вооружились - впечатляющий набор из ручного инструмента, вил и кухонных ножей, зажатых в дрожащих руках с побелевшими костяшками.

В воздухе витало странное ощущение, необычная динамика этой толпы. Это было не привычное собрание, жаждущее учинить самосуд и пустить кому-то кровь. Всё выглядело так, словно сейчас, когда они, наконец, загнали этот таинственный кошмар в угол, то боялись его даже больше, чем когда он якобы преследовал их...

Страх был незнаком Готреку, да и люди частенько были для него загадкой. Он окинул взглядом спешащих мимо жителей. Стражник с рукой крепко вцепившейся в рукоятку меча.

Горничная с лицом, покрытым слезами. Двое молодых парней в хорошей одежде. Кузнец с кузнечным молотом и необычно затравленным выражением лица, за которым спешил подмастерье в перчатках.

Гном замедлился и, развернувшись, увидел с каждым мгновением увеличивающуюся толпу у входа в переулок. Большинство этих людей не имели в голове мыслей о мести и, скорее всего, они не собирались вредить Феликсу. По крайней мере, сами.

Они просто не могли поверить, что их Потрошитель был, наконец, пойман.

Им просто нужно было увидеть это своими глазами, увидеть, как его, закованного в цепи, утащат прочь. Им нужно было окончательно изгнать ужас, который мучил их так долго, восстановить веру в людей, которые были наняты, якобы чтобы защищать их по ночам. Им нужно было знать, что всё кончено.

Где-то дальше по улице, кто-то - скорее всего стражник, пытающийся навести порядок - выстрелил в воздух из пистолета. Его отголоски пронесли по улице и, к сожалению, оказали на толпу совершенно противоположное воздействие. Воздух заполнили крики, а затем сменились паническими воплями, когда началась давка.

- Это Потрошитель! Демон снова освободелся! Бегите, ради своей жизни!

Готрек взревел и отпихнул кузнеца в сторону, когда неуклюжий детина едва не сбил его с ног, но даже отважный Истребитель не мог сдержать натиск потных, пышущих страхом тел, что словно потоп обрушились на него. Так что, крепко вцепившись в свою сумку и надёжную рукоятку верного топора, он позволил толпе увлечь себя.

Хотя он едва мог думать в окружающем его гвалте вопящих, молящихся, обуянных ужасом горожан, Готрек понимал, что просто не может бросить своего долговязого спутника на милость петли палача. Перво-наперво, юный Феликс был заключён в тюрьму за преступление, которое, как он надеялся, тот не совершал. Во-вторых, если бы стражники удерживали его в своих руках достаточно долго, то могли бы понять, кем он является на самом деле... а затем, ясно, как божий день, они устремились бы на поиски истребителя с хохлом. Вне всякого сомнения, они вдвоём сделали достаточно, чтобы их можно было сходу засадить в любую тюрьму Империи.

Наконец, осознал Готрек, что, поскольку Феликс не был тем печально известным убийцей, каким его считали люди, это означало что этот кто-то - или что-то - по-прежнему оставался не пойманным

Обервальдский Потрошитель всё ещё ходил на свободе.

Время для Феликса прошло в мерзкой, тошнотворной дымке. Он не был уверен, где заканчивалась тупая боль от похмелья и начиналась пульсирующая боль от побоев. Он обнаружил, что не может повернуть голову без того, чтобы не ощутить, как падает в адскую пропасть навстречу неопределённому, но чрезвычайно неприятному концу.

«Это было похоже на эти штуки. Ну, ты знаешь. Гномьи машины. Штуковины с вращающимися лезвиями на крыше...»

Он всхлипнул, а затем его вырвало на пол.

«Гирокоптеры. Точно. Это было похоже на атаку гирокоптеров, каждый раз, стоило закрыть глаза. Гирокоптеры, летящие в бурю. С пьяными пилотами за штурвалом».

Стражники забрали его плащ, забрали его кольчугу и меч. Они забрали даже его ботинки и пояс, и защёлкнули ржавые наручники на запястьях и кандалы на лодыжках. Впрочем, для Феликса было загадкой, как, по их мнению, он мог сбежать в его нынешнем состоянии.

Мука. Он закашлялся и, вздрогнув, сплюнул комок чёрной крови.

Он лежал, свернувшись, на голой деревянной скамье лицом к стене из грубо обтёсанного камня, влажной от сырости и покрытой пятнами лишайника. Звук капающей воды в камере не прекращался ни на мгновение, словно тиканье каких-то странных часов. Где-то вдалеке он услышал раскат грома и, с усилием, кое-как повернув голову, увидел капли дождя, бьющие по подоконнику зарешеченного окна, высоко под самым потолком.

И единственным приятным ощущением были порывы сквозняка, приносимого из этого окна. И пусть именно от него тело Феликса сотрясал озноб, но ветерок освежал, и он глубоко вдохнул свежий воздух, попытавшись успокоиться, прежде чем сделать новую попытку пошевелиться.

- Хреново выглядишь, друг.

Феликс вздрогнул, услышав голос, а затем его пробила такая дрожь, что он чуть не свалился со скамейки прямо в лужи разнообразных жидкостей, творцом коих был он сам. Его взгляд скользнул по камере и устоялся в тень, пытаясь разглядеть скрытого автора сих слов, хотя от данного усилия его череп пронзили новые копы боли. Его живот напрягся, но усилием воли он сумел кое-как подавить очередной рвотный позыв, тем паче, что его желудок уже был вычищен дочи́ста.

- Кто... кто здесь? - наконец удалось слабо вытолкнуть из себя. Ответом ему стал лёгкий смешок.

В дальнем углу камеры стояла пустая скамья, а в углу был свален ворох тряпья и мусора. В центре пола виднелся провал, в котором капающая вода уже образовала мутную илистую лужу, на вид несколько дюймов глубиной. Тяжёлая деревянная дверь в камеру была дополнительно обшита железными полосами и скреплена болтами, а рядом с ней стояла маленькая жестяная миска с несколькими засохшими корками.

Однако не были ни единого следа заговорившего призрака.

Феликс покрепче ухватился за край своего лежака и собрался с силами, приготовившись попытаться заставить себя принять сидячее положение. Однако в это мгновение в щели под дверью мелькнул свет свечи, и послышалось эхо шагов и гневные голоса.

С грохотом железа, способным поспорить даже с громом за окном, засовы отодвинулись и дверь распахнулась наружу, явив нескольких стражников, вооружённых копьями, и смуглого ветерана командира стражи в парчовом плаще, державшего в руке фонарь. Они осторожно вошли внутрь, словно фаланга на поле боя, и приблизились к нему, как если бы он был драконом или огромным демоном, их копы были опущены, наставлены на него и готовы к атаке.

- Это он, - сплюнул командир, - хладнокровный ублюдок, которого мы нашли в переулке, - он указал на Феликса, прежде чем, злобно ударив ногой по полу, обрызгать его илистой водой из лужи в центре камеры. Один из копеечников ткнул Феликса древком копья, скинув с лежака на грязный пол.

Феликс прикрыл глаза от слепящего света фонаря и попытался отпихнуть копы своих мучителей, собираясь с силами, чтобы выразить протест и заявить о своей невинности. Звякнули цепи, которыми его наручники, как оказалось, были прикованы к каменным плитам стены.

- Н...нет... Ты взял не того человека! Я ничего не делал...

Ближайший копеечник, головорез с лицом, напоминающим картофель, и одним молочно-белым глазом, наклонился ближе.

- Закрой пасть, дьявол, или я вырежу твой поганый язык!

Перекатившись в угол, Феликс начал лихорадочно соображать. Было ясно, что они думают, будто он и есть тот таинственный Потрошитель, что столь долго кошмарил город. Конечно, вряд ли он мог их винить за это: он - незнакомый пришелец, который не мог бы дать себе хорошей рекомендации, даже если бы решился говорить правду.

Командир стражников обернулся и заговорил с кем-то, оставшимся снаружи камеры.

- Это он, герр Лиферен? Это тот человек, которого вы видели?

Феликс с трудом заставил себя посмотреть.

Растрёпанный, поражённый горем, с покрасневшими глазами и трясущимися руками, отец Сабины заглянул в камеру и позволил своему взгляду упасть на Феликса. Это был мрачный взгляд, воспалённый от слёз и гнева.

- Это он. Это поэт. Это он сделал! - завопил торговец, вытирая глаза манжетой своей дорогой рубашки. - Он убил мою Сабину!

Командир стражников успокаивающе положил руку на плечо рыдающего отца, заставив того слегка вздрогнуть, и осторожно вывел его из камеры.

- Спасибо, майн герр. Посмотрите сюда. Этот Потрошитель был хитёр, долго ускользал от нас. Мы даже подумывали о том, чтобы призвать охотников на ведьм - многие говорили, что он не человек, а упырь, или демон или вампир...

Сердце Феликса пропустило удар.

Командир обернулся и с усмешкой посмотрел на него.

- Но он вполне неплохо истекает кровью, и я не вижу, как бы он мог выбраться отсюда. Ещё до наступления темноты он спляшет в петле, обещаю вам.

Стражники начали выходить из камеры, оставив Феликса съёжившимся и дрожащим в сыром углу. Походя, командир пнул сапогом ворох тряпья около двери, исторгнув у одного болезненный визг.

- Ну а ты, тебе нравится здесь? Это должно быть мечта для тебя, а? Простого мелкого извращенца.

К удивлению Феликса ворох развернулся, явив взглядом маленького тщедушного мужчину - измождённого, грязного бродягу в изодранном пальто и кепке. Человек дрожал и умоляюще хватал за ноги командира стражников, когда тот проходил мимо.

- Пожалуйста, ваша честь, - возопил он, - не оставляйте меня с ним наедине, прошу вас! Он убьёт меня и заберёт мою душу себе, как игрушку! - он распростёрся ниц перед командиром, плюхнувшись в грязную лужу и целуя его ботинки - Я смотрел за ним - когда вы были снаружи и не могли ничего узнать - он слизывал кровь с рук и смеялся! О, Зигмар, сохрани меня, ты не можешь оставить меня здесь вместе с Потрошителем!

Один из стражников схватил его за воротник и отшвырнул обратно в угол. Командир задул фонарь и потянулся к связке ключей на поясе.

- Я должен бы повесить тебя рядом с ним. Скажи спасибо, что ты не сделал ничего хуже, кроме как расстроил простых, порядочных людей.

Тяжёлая дверь захлопнулась и засовы с громким лязгом встали на место. Приглушённый злобный смех и стук копий по полу затихли вдали, оставив тихий звук дыхания Феликса, шелест ливня за окном, да нескончаемый стук капель, падающих на каменный пол.

Моргая, чтобы привыкнуть к внезапной темноте, Феликс попытался вновь отыскать бродягу. После полного отчаяния выступления перед стражниками, человек погрузился в странное молчание.

С внезапным резким вздохом Феликс, наконец, увидел его.

Бродяга оказался чуть ближе, чем ожидал Феликс: скрестив ноги, он сидел на краю грязной лужи,

которая ещё не успокоилась после его маленького концерта несколькими мгновениями раньше. Он казался крупнее и даже несколько грубее, чем на первый взгляд. Феликс предположил, что это из-за того, что сперва он принял его за кучу мусора в камере. В полумраке он смотрел, как плечи человека равномерно поднимаются и опускаются в спокойном дыхании, но он не издавал ни звука, по сравнению с хриплыми выдохами самого Феликса.

Больше всего тревожили его глаза. Лицо было скрыто в тени, однако маленькие глаза-бусинки были отлично видны.

И они не мигали.

Подняв закованные руки, Феликс снова взобрался на скамью, несмотря на колотье в черепушке и головокружение, которые едва не скинули его обратно. Всё это время мужчина не сводил с него взгляд своих немигающих глаз.

- Ну что ж, друг, - снова прозвучал его холодный голос, - Это несколько неожиданно, не правда ли?

В желудке Феликса образовался новый болезненный комок. И это было не следствием выпитого вчера эля, и не перспектива скорой казни. И это было не от того, что Готрек бросил его, и не потому, что та бедная девушка ныне лежала хладным трупом, и не потому, что он даже не мог отчётливо вспомнить, как и когда это произошло.

Этот новый спазм скрутил его кишки от того, что свои последние часы ему предстояло провести взаперти в камере вдвоём с этой зловещей фигурой, чей хищный взгляд ни разу не поколебался, а дыхание не порождало облачка тумана в морозном воздухе камеры.

И насколько бы больным он себя сейчас не ощущал, Феликс знал, что чего-чего, а повернуться спиной к этому монстру он желал меньше всего на свете.

Свояк свояка видит издали, как говорится. Это было верно для всех городов людей, в Империи и за её пределами: по опыту Готрека преступник предпочитали компанию таких же, как они. Профессиональные убийцы, наёмные бандиты, жулики, воры и разбойники - все они были одним миром мазаны, и какой бы извращённый кодекс чести они не соблюдали, вы всегда могли положиться на них, если надо было прикрыть своих братьев. По крайней мере, до тех пор, пока их интересы не вступали в противоречие.

И как только вы получали власть над одним, вы могли узнать больше о другом. Например, о том, кем был рекомый Потрошитель?

Проблема была в том, что в подобных ситуациях Готрек никогда не мог понять, где нужно было искать этот след. Это всегда было сильной стороной Феликса. Гном же просто не был скроен для слежки.

Слишком много болтовни, как в тех карточных играх.

И эта мысль породила у Готрека порыв вдохновения. Был один преступный тип, с которого можно было начать, не опасаясь преследования стражи или того жалкого преступного сообщества, что пустило корни в подобной глуши.

Бросив быстрый взгляд вокруг, он громко постучал в дверь, расположенную в основании каменной

лестницы, ведущей на рыночную площадь. Дождь обрушивался на его шерстяной капюшон.

Ответа не было. Он ещё трижды врезал ногой по двери, заставив её качнуться

Изнутри донёся шум, глазок, вделанный в дверь, открылся и явил налитый кровью глаз. Мгновение спустя взгляд глаза сосредоточился на низкорослом гноме и расширился от испуга. Глазок снова закрылся.

- Уходи! - прозвучал хриплый голос. - Мы закрыты по приказу стражи.

Готрек многозначительно рассмеялся.

- Ха! Мне трудно в это поверить.

За дверью послышался торопливый шёпот переговаривающихся голосов, после чего скрипнули половицы.

- Верь, во что хочешь. Ты не войдёшь. Ты своими махинациями не далее как минувшей ночью разорил это место. У дома новая политика - никаких гномов.

- Не беспокойся, приятель. Я не ищу, где бы поиграть, - Готрек понизил голос до сценического шёпота, когда, стуча колёсами, по грязной улице над ними прогрохотала рыночная тележка. А затем приоткрыл свою суму, показав лезвие топора. - А теперь тыпустишь меня так быстро, как только можешь, или я разрублю эту дверь в щепки и...

Его слова были прерваны грохотом в переулке сбоку от логова и он вскочил по ступенькам, чтобы перекрыть очевидный путь к бегству. И само собой он отыскал пришибленного им воришку из прошлой ночи, поднимавшегося из кучи разломанных ящиков рядом с боковой дверью здания.

Готрек без колебаний врезался в человека, с грозным рычанием рубанув топором по груде ящиков, и позволил капюшону свалиться с головы, открыв придавленный к черепу огненно-рыжий хохол волос.

Сбитый мужичок рыдал и хныкал, вытаскивая из карманов золотые побрякушки и имперские кроны и в отчаянии швыряя их в Готрека.

- Угомонись, придурок! - прошипел Готрек, понимая, что их драка может привлечь чьё-нибудь нежелательное внимание. - Мне не нужны твои деньги. Зайдём-ка внутрь.

Он закрыл за собой дверь, а затем ударом плашмя сбил человека с ног. Хотя они и были в отвратительно воняющей подсобке, это не помешало ему понять, что человек обделался со страха.

- Ты грязный маленький вор! Это так-то ты хочешь встретить свою смерть? На коленях, с мокрыми панталонами? Что это за конец, а?

Мужчина что-то невнятно пробормотал, из его заплывших чёрных глаз полились слёзы.

Готрек устроил целое театрализованное представление, прежде чем опустил топор.

- Ладно, ладно. Я дам тебе последний шанс, вор. Ты сможешь уйти отсюда живым, если расскажешь мне побольше об этом вашем «Потрошителе».

Всхлипывая и дрожа, мужчина осторожно вытер распухший нос и истово закивал.

- П-потрошитель, да! Они п-поймали его этим у-утром. Стража схватила его.

Готрек наклонился, почти заговорщицки и прищёлкнул языком.

- Видишь ли, в чём заковыка, вор. Я не думаю, что они сделали это.

Мужчина нахмурился.

- Я не понимаю.

- Я думаю, они ошиблись человеком, сечёшь? Я имею в виду, что ты собираешься рассказать мне всё, что ты знаешь об этом Потрошителе. Ты когда-нибудь видел его?

- Нет, сэр, мастер гном! Таких было немного. А ещё меньше тех, кто прожил достаточно долго, чтобы...

- Кто-нибудь, кого ты знаешь?

Мужчина замолчал, продолжая давиться слезами.

- Возможно. Есть один парень. Он достаточно часто говорил о Потрошителе. Говорил о том, что взгляд его пылающих глаз был холоднее, чем зимний мороз, и о том, что он мог обогнать самую быструю лошадь на дороге, если на него нападала подобная блажь.

- И кто же тебе это рассказал? - поинтересовался Готрек.

- Я не знаю, как его зовут. Он иногда приходит, чтобы попытать удачу за столом. Худой, всегда несколько нервный. Носит кепку.

«Тощий человечек с бегающими глазами».

- Он был здесь прошлой ночью, не так ли?

- Да, так и есть. Однако он не задержался надолго, после того как начались, э... неприятности, мистер гном. Со всем уважением.

«Скользкий парень, - подумал Готрек. - Слишком быстрый для меня, а это уже о чём-то говорит».

- Ладно, вор. А теперь ответь мне, куда бы стражники потащили Потрошителя, которого они словили?

- Скорее всего, он будет дожидаться казни в остроге, если какой-либо острог сможет удержать его. Знаете, где у нас место казни?

- Айе, проходил. Перед виселицей на рыночной площади.

- Камеры находятся в каменном здании на восточной стороне. Вы не пропустите его.

Готрек закинул топор на плечо и швырнул человеку грязную тряпку.

- Что ж, прогуляемся, вор. Приведи себя в порядок.

Осторожно, Феликс зачерпнул пригоршню воды из лужи посреди камеры и плеснул себе на шею, не спуская глаз с тёмной фигуры, что сидела перед ним.

- Я знаю тебя, - сказал он. - Я видел тебя в переулке, когда пришли стражники.

Мрак разорвал волчий оскал злобной улыбки.

- Действительно, друг. Хотя я видел тебя и девушку задолго до этого.

Феликс ткнул в него пальцем в самой угрожающей манере, какую смог изобразить.

- Для начала, ты можешь перестать звать меня «другом». Ты даже не знаешь меня, и ко всему прочему те, кого я называю своими друзьями, в основном пахнут не так. Проклятый бродяга.

Бродяга снова рассмеялся своим тонким смехом. Феликс проигнорировал это.

- Во-вторых, если ты видел меня там с Сабиной, то должен знать, что я не трогал её. Мне предстоит быть казнённым за то, что я не совершал, и если бы ты и в самом деле являлся мне «другом», как постоянно талдычишь, то давно рассказал бы это стражникам и очистил моё имя, - он опустил на скамью и пренебрежительно махнул рукой. - Но по какой-то причине, ты решил поспособствовать этому поклёпу. Я не совсем понимаю, что ты хочешь с этого поиметь, но, прошу тебя, оставь меня в покое. «Друг».

Между ними повисло напряжение и Феликсу удалось выдержать немигающий взгляд бродяги.

Улыбка исчезла, отметил он про себя.

- Неблагодарный, - прошипел бродяга.

- Что?

- Я делаю тебе дар позора. Твоё имя будет жить в течение поколений. Макс Шрайбер - легендарный Обервальдский Потрошитель. А ведь тебе даже не пришлось убивать никого из этих... аморальных граждан, и всё же ты заберёшь себе всю славу.

- Но, как...

- Ох, она так извивалась, эта твоя маленькая леди. Она была весьма увлечена тобой. Даже после того, как ты вырубился, я не уверен, что она вообще заметила меня, пока я не наткнулся на неё.

У Феликса скрутило живот, и он только напряжением воли не дал ужасу проявиться на его лице.

- И я должен заметить, герр Шрайбер, - снова ухмыльнулся Потрошитель, - твоё имя не очень подходит для поэта. Возможно, это псевдоним? - он усмехнулся, но тут же снова вернул на лицо безмятежное непроницаемое выражение. - Интересно, как тебя зовут на самом деле...

Феликс вскочил на ноги, выставив перед собой руки в наручниках, но Потрошитель был ещё быстрее и уже присел в низкой стойке в грязной луже. Казалось, они целую вечность простояли так, лицом к лицу, в этой тёмной, сырой камере.

- Держись от меня подальше, слышишь? - наконец хрипло выдохнул Феликс, его волосы упали на окровавленное лицо. Потом он бросил взгляд на тяжёлую дверь и повысил голос. - Стража! Стража! Это Потрошитель! Грязный, вонючий...

Раздалось два тяжёлых удара по дереву, за которыми последовал голос стражника.

- А ну утихни, проклятый убийца.

Теперь, когда он встал, в неярком шедшем из окна свете, он смог получше разглядеть черты лица своего сокамерника: измождённое худое лицо с вьющейся бородкой, низко надвинутая на лоб кепка. Его взгляд был таким же сильным, как и прежде, и гипнотизировал подобно взгляду гадюки или аспида. Когда он

снова заговорил, от его слов по спине Феликса пробежал озноб.

- Ты хоть представляешь, какими жалкими твои объяснения будут выглядеть на виселице? Каким безумцем ты станешь выглядеть, когда попробуешь их озвучить?

- Кто бы говорил о безумии, - парировал Феликс. - Ты уже несколько месяцев держишь в страхе этот мелкий городишко, и ради чего? Ты заблуждаешься, если думаешь, что ещё хоть где-то за пределами Обервальда услышат о твоих подвигах.

Потрошитель внезапно дёрнулся вперёд, его руки были вытянуты, пальцы напоминали когти, однако он сумел себя сдержать. И всё же Феликс отшатнулся, споткнувшись и звякнув цепями - у его противника было преимущество полной свободы движений и он явно собирался им воспользоваться.

- Месяцы? - ухмыльнулся Потрошитель. - Скажи лучше - годы. И что заставляет тебя думать, будто Обервальд единственный город, который привлёк моё внимание? В своё время я попутешествовал по многим городам Империи, Пограничных княжеств, и даже ещё дальше. Ты тоже похож на путешественника, «герр Шрайбер». Интересно, ты видел то же, что и я?

Феликс пожал плечами, пытаясь отвлечь своего противника от убийственных намерений.

- Прошу, просвети меня.

- Я видел худшее в человечестве. Я видел, как люди ведут себя подобно зверям из Драквальда или воюют, словно гномы и зеленокожие в горах, - он поднял руку и медленно сжал её в кулак. - Но худшее из всего, что я видел - медленное искоренение нашей невинности, даже здесь, в сельской провинции. Возьми этот город - не более чем перекрёсток между местными деревнями, затем - рыночный посёлок. Лавочки, фермеры, честный народ, живущий делом своих рук.

- Но затем он начинает расти. Деньги к деньгам, понимаешь. Подкрадываются землевладельцы и хозяева таверн, и начинают убийство, сдавая свои земли и дома бродячим торговцам. Как, ты думаешь, поддерживаются эти прекрасные дороги и здания?

Глаза Потрошителя немного остекленели, и он уставился в пространство, без сомнения представляя конец своего апокалиптического монолога.

- Но население временное - рынок работает всего несколько дней в неделю, поэтому они начинают расширять своё предложение. Помимо еды и жилья любой, более богатый путешественник может так же оказаться на ночь в приятной компании доступной девицы... и вдруг на каждом шагу появляются шлюхи и болезни!

Он снова на секунду остановился, после чего продолжил.

- И всё же по-прежнему остаются те, кто не может позволить себе даже простейшие удобства. Их оставляют ночевать на улице, лёжа на грязных соломенных тюфяках или дрожа от пронизывающего ветра под пустыми торговыми фургонами. Они там умирают, в то время как богатеи продолжают жиреть в тепле очагов.

Рассеянно он поправил своё пальто, словно в воспоминании о каком-то давнем холоде.

- Это говорит о базовом неравенстве. Это бездушные ценности больших городов, таких как Альтдорф или Талабхайм, отражённые в микромире. Без чего-нибудь, что следует бояться, без зверя, поджидающего их у ворот, люди становятся жадными.

Феликс только рассмеялся.

- Вот, что я тебе скажу - ты безумен.

Потрошитель снова уставился на него, вперив в Феликса хищный взгляд холодных глаз. И всё же он позволил ему продолжить.

- Ты говоришь, что попутешествовал по Старому свету и всё же утверждаешь, что людям нечего бояться здесь, в провинциях? Ты правильно догадался - я побродил по этим землям достаточно долго, и не нашёл ничего, кроме кровожадных зверей и неописуемых ужасов чуть ли не под каждой горой или на каждой равнине.

Он указал на Потрошителя, который нервно дёрнулся.

- Ты не какой-то спаситель людской. Ты - обычный убийца-психопат.

- Ошибочка, - мгновение спустя ответил тот. - Ты - убийца, забыл? Ты будешь пущен в расход до конца дня, а меня выпустят, - он рассмеялся. - Я просто бродяга, которого поймали прячущимся на месте твоего последнего убийства. Помимо оскорбления чувств горожан своим болезненным любопытством, я, очевидно, более ни в чём не виновен.

Терпение Феликса кончилось. Он взревел и рванул вперёд на Потрошителя, но зловещая фигура проворно отскочила и, сделав подсечку, заставила Феликса рухнуть на стоявшую за его спиной скамью-лежак. Когда Феликс упал, то чугунные крюки, которые крепили цепи ножных кандалов к кольцам на стене, не выдержали и оторвались. С громким плеском освобождённые цепи шлёпнулись в лужу.

Потрошитель стоял над ним, слабо вырисовываясь на фоне света из окна, и всё же под козырьком кепки по-прежнему можно было увидеть его бледные глаза. Когда Феликс перевернулся на спину и попытался встать, его мучитель одним плавным движением достал из-под пальто длинный зазубренный нож.

- Охладись, друг. Ты же не хочешь попробовать эту сталь.

Но прежде, чем Феликс успел сформулировать достаточно остроумный ответ, из-за решётки высокого окна раздался знакомый голос.

- Человеческий отпрыск? Что там происходит?

Он испустил невольный вздох радости. Потрошитель развернулся, бросив взгляд на зарешеченное окно, но Феликс уже кричал, что было сил.

- Готрек? Готрек! Это Потрошитель, он здесь, рядом со мной!

Пока Феликс стаскивал с лодыжек ржавые остатки кандалов, Потрошитель медленно перевёл на него взгляд с замешательством в глазах...

- Готрек... гном-истребитель...? - прошептал он.

Наконец освободившись, Феликс вскочил на ноги, хотя от наручников на запястьях он избавиться не сумел. Потрошитель отступил, сохраняя угрожающую позу и выставив нож.

- Феликс Ягер

Известный совсем не за свои стихи, посетовал Феликс. Он намотал на кулаки цепи от них и

приготовился к бою.

К его удивлению, Потрошитель рванулся к двери и громко забарабанил в неё рукоятью своего ножа.

- Стражник, подними тревогу! Пошли за провинциальными войсками! Он в розыске!

В попытке заставить его замолчать, Феликс прыгнул Потрошителю на спину, и они вдвоём упали на гладкий каменный пол. От удара воздух выбило из лёгких Феликса, из-за этого он не смог затянуть цепь от наручников на шею своего противника, вместо этого вцепившись ему в глотку руками.

Плоть была липкой и холодной.

Сбросив свою кепку на пол, Потрошитель отбросил Феликса, словно тот был ребёнком, и пырнул его ножом. Лезвие проткнуло грязную нательную рубаху Феликса и чиркнуло по рёбрам.

Вскрикнув от боли, он обрушил в отместку кулак на челюсть Потрошителя. Удар оглушил мерзавца и нож выскользнул из его руки и упал в лужу. Феликс ухватил его за перед пальто и швырнул в ближайший лежак.

Скамья расползлась, превратившись в груды гнилой трухи, но Потрошитель вскочил на ноги, прежде чем Феликс успел воспользоваться мимолётной победой. Схватив его за волосы, он погрузил лицо Феликса в лужу.

Феликс хлебнул полную грудь холодной солоноватой воды, но тут его и без того ушибленный лоб врезался в плиты пола и выбил из него дух борьбы. Ледяные руки на затылке прижимали его лицо к твёрдому камню, закованные руки Феликса оказались под ним. Он испробовал свою собственную кровь, щедро сдобрившую тюремную воду.

По краям зрения начала расползаться тьма. Он чувствовал, как его сердцебиение начинает замедляться в холодных тисках смерти. Где-то в отдалении он услышал свистки часовых...

Поздно. Потрошитель уже покончил с ним.

Это осознание принесло странное успокоение.

«Скоро, - подумал он. - Это всё скоро закончится».

Глубокий холод, словно самая холодная из кислевских зим.

Из теней тысяч преследующих его ночей, он вспомнил её лицо. Она звала Феликса в объятия того, что лежало за пределами этой жизни, и он очень хотел пойти к ней...

Укол боли поразил его онемевшие в холодной воде руки. Его пальцы сомкнулись вокруг лезвия.

Нет. Он ещё не умер.

Собрав последние силы, он оттолкнулся ногами от края углубления и крутанулся, сжимая в руках нож. Потрошитель резко выдохнул, когда Феликс вонзил нож ему между рёбер, прямо в сердце.

Феликс закашлялся, выплёвывая воду и пытаясь отдышаться, придавленный упавшим на него телом Потрошителя. Мёртвый груз прижимал Феликса к полу, он чувствовал, как тепло живой влаги из тела убийцы пропитывает его рубаху, и в изнеможении опустил голову на каменные плиты.

Спустя несколько секунд дверь в камеру выбило внутрь, сорвав с петель. Вместе с безжизненным телом

стражника, с закотившимися глазами. А затем в открывшемся дверном проёме появился Готрек, чьи мышцы бугрились и перекатывались после приложенного усилия.

- Ох, предки мои, человеческий отпрыск, - рявкнул он, - ты выглядишь отвратительно. Вставай, нужно выбираться отсюда.

Пока они бежали к низким каменным стенам, что отмечали край Обервальда и начало покрытой соснами глуши за его пределом, Готрек поддерживал Феликса, что, хрипя и спотыкаясь, кое-как ковылял по грязи. В угасающем свете заката звонил городской колокол, хотя кого пытались вызвать перепуганные жители города, оставалось для Феликса загадкой.

- Ты знаешь... что они расскажут... не так ли? - задыхаясь, прохрипел Феликс, цепляя перевязь с мечом. - Они расскажут своим внукам... что Потрошитель... сбежал с виселицы.

Готрек нахмурился.

Обервальдский Потрошитель - дьявол, созданный самими людьми, подумал Феликс. И всё-таки, вопреки надежде, он надеялся, что его старый друг Макс Шрайбер не станет забираться в такую глушь, а если всё же и сделает это, то ему хватит здравого смысла сменить имя.

- Так кем он был? - спросил Готрек. - Культист Хаоса? Колдун, собирающий души для своего демонического колдовства?

Феликс рассмеялся. Они перебрались через забор и пошли по полю пожухлой травы.

- Что смешного? - поинтересовался гном. - Может, он мутант-вырожденец? Сочувствующий зверолодам? Нет, подожди - это агент эльги, маскирующийся под человека!

- Нет, к сожалению, нет, - ответил Феликс, качая головой. - Извини, что разочарую тебя, но, похоже, он был простым человеком.

- Но что насчёт всего того, что он якобы делал? Он может перепрыгнуть сорокафутовый дом, может выстреливать молнией из кончиков пальцев. Из всего того, что я слышал...

Феликс немного подумал о Сабине. Бедной, несчастной Сабине.

- Людям нужны чудовища, - пожал он плечами, - и даже если им повезло с их отсутствием, то они создают их сами или сами становятся ими.

Готрек ухмыльнулся.

- Ха! Странные вы создания, человеческий отпрыск.

---

[1] Брелан (Brelan, франц.) — название игорных домов во Франции при Карле IX. Затем этим именем названа французская азартная игра и в частности серия из трех одинаковых карт в этой игре (три туза, три короля и т. п.). Запрещенная при Людовике XIV, игра эта возродилась при Людовике XV и удержалась до времен Революции. Модификацией Брелана является Буйлльот (Bouillotte), в котором случай, именно получение трех одинаковых карт, играет главную роль.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Обервальдский_потрошитель_/_The_Oberwald_Ripper_\(рассказ\)&oldid=21871](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Обервальдский_потрошитель_/_The_Oberwald_Ripper_(рассказ)&oldid=21871)

Эта страница в последний раз была отредактирована 10 декабря 2022 в 22:19.